

Мариэтта Чудакова

ДЕЛА И УЖАСЫ ЖЕНИ ОСИНКИНОЙ

Серия "Дела и ужасы Жени Осинкиной"

Эту неожиданную для себя и для читателей книгу написала Мариэтта Чудакова — знаменитый историк русской литературы XX века, известный в мире биограф и знаток творчества Михаила Булгакова. Увлекательное, остросюжетное повествование об опасных приключениях юной героини и ее верных друзей — Вани-опера, Тома Мэрфи, Скина, Фурсика и многих других — начинается в первом романе трилогии «Тайна гибели Анжелики», продолжается во втором — «Портрет неизвестной в белом» и заканчивается в третьем — «Завещание поручика Зайончковского».

Реальная Россия наших дней, реальный риск, реальные опасности, самое реальное злодейство и самые подлинные самоотверженность, мужество и благородство — вот что привлекает к этим книгам и восьмилетних, и шестнадцатилетних читателей...

**Евгении Астафьевой
с любовью, верой и надеждой**

**Путешествие в трех томах,
а также последующие необычные,
ужасные и счастливые истории,
случившиеся с ней самой
и с ее друзьями**

Мариэтта Чудакова написала книгу для наших детей. И для нас... Не тратя времени на комплименты сюжету, фактуре (Женя движется в Сибирь на машине, мы вместе с ней успеваем много чего приметить), слогу, скажу, что считаю эту книгу большим событием. Ее обаяние и действенность, на мой взгляд, обусловлены тремя тесно связанными особенностями авторской стратегии.

...В нынешних приключенческих книгах, как правило, речь идет о спасении мира или страны. Женя и ее друзья спасают не мир, а конкретного попавшего в беду человека.

...Во-вторых, это серьезность тона.

...В-третьих, это уважение к героям и стоящее за ним уважение к юной аудитории.

...Чудакова пишет о том, как живет истинная Россия сегодня и как она сможет жить завтра.

...Две детективные истории перемежаются многочисленными экскурсами в историю русского XX века и живыми картинами.

...Женин отец думает: «Может, сегодня спасение страны именно в них? Вот в этих подростках? В тех, кто не успел еще убедиться, что от них ничего не зависит?.. И потому-то именно у них получается?..»

Андрей Немзер

Тайна гибели Анжелики

ПЕРЕД НАЧАЛОМ СОБЫТИЙ

— Как дела? — спросила мама, глядя в зеркало и щурясь особенным образом на свое отражение.

— Мама, ты только не волнуйся, но...

— Только без ужасов! Я спрашиваю тебя о том, *как у тебя дела*, и именно о них — понимаешь? — хотела бы услышать.

Но Женя ничего не могла поделать с тем главным обстоятельством жизни, что у нее все шло вперемежку и, как правило, на три дела приходилось не менее одного ужаса.

Когда Жениной маме было десять лет — на три года меньше, чем сейчас Жене, — она сказала родителям:

— Кто бы у меня ни родился, когда я вырасту, — мальчик или девочка, — я назову его Женей.

Так и случилось. Но, может быть, имя, годившееся и для мальчика, и для девочки, наложило на Женю особую печать, и именно оно было повинно в том, что заставляло папу вопрошать дочь с негодованием:

— Скажи мне, пожалуйста, ты — девочка или мальчишка-бандит? Да как ты могла решиться проникнуть в мужскую раздевалку и отрезать у мальчиков пуговицы на рубашках?!

— Но, папа, они нам в рюкзаки петарды засовывают! А они потом взрываются! И еще пакеты с водой! Представляешь?!

— Но это ведь мальчики. А ты — девочка!

Папа продолжал убиваться (почти, добавим мы от себя, по-женски — во всяком случае, сильнее, чем мама), а у Жени в

дневнике продолжали появляться записи: «По-волчьи выла в классе», «Бегала по подвалу с мальчиками и взрывала пистоны».

— Ты учителей поэтами делаешь, — меланхолично заметила мама, расписываясь в дневнике. — В мое время писали просто: «Мешала вести урок» или «Плохо ведет себя на уроках». А ты такое выкомариваешь, что они мучаются в поисках слова.

Но это, конечно, было в детстве, класса до пятого. Женю давно волновали совсем другие вещи.

— Так могу я узнать, как у тебя дела?

— Дело в том, что...

— Так. Начинается!..

И в самом деле — нечто начиналось. Но что именно — ни Женя, ни ее мама, которая отправилась по делам, так и не получив ясного ответа на заданный вопрос, еще не знали и даже не подозревали.

ГЛАВА 1

НОВОСТИ

Зазвенел телефон — мама звонила по мобильному:

— Ты дома? Я уже у подъезда. Откроешь мне? Опять забыла ключ!

Сейчас это было как раз очень кстати.

Женя сняла ногу со стены, захлопнула книжку, быстро вставила ее на полку — на место, между четвертым и шестым томом.

Она не поняла на последней странице одно слово, но у мамы спрашивать бесполезно. Она всегда отвечала одно:

— В доме не менее двадцати словарей. По крайней мере в трех ты можешь найти ответ на свой вопрос.

Пока мама ехала на лифте до 12-го этажа (Женя точно знала, сколько идет лифт: 55 секунд; за это время она успевала выучить четыре английских или три французских слова; английские слова почему-то запоминались быстрее), Женя думала, почему мама не разрешает ей читать рассказы Бунина. И еще поясняет:

— *Пока* читать его тебе незачем.

— А когда будет зачем?

— Когда повзрослеешь.

— А когда я повзрослею?

— Все в разное время взрослеют. Может быть, в восемнадцать лет. А может, и позже. Некоторые — вообще никогда.

— Если я не буду читать взрослые книги, я как раз никогда и не повзрослею!

Папа был на стороне Жени. При ней он с мамой не спорил — считал, видно, что это не-пе-да-го-гич-но. Но Женя, конечно, все, что ей надо, подслушивала — не такая обширная у них квартира, и вообще, если хотят секретничать, пусть выходят на улицу. И она подслушала, как папа говорил:

— Книг, которые читать рано, не бывает. Бывают только такие, которые читать поздно.

Женя была с ним согласна — однозначно, как любит говорить ее подруга Зиночка.

Это если все книги откладывать до восемнадцати лет, то потом в институте учиться некогда будет! Там ведь задают еще больше, чем в школе.

Женя услышала, как подъехал лифт, и побежала открывать маме дверь.

Были новости — мама через два дня отправляется в байдарочный поход на десять дней.

Родители всегда ходили на байдарке вместе. Женю они брали с собой с четырех лет, но только когда шли одни — или в «семейные» походы, с несколькими детьми. Потом Женя выросла, стала очень спортивной и в прошлом году заправски прошла с родителями по одной из рек Средней Карелии.

Папа только что улетел на две недели на конгресс в Мексику. Тут неожиданно заболел знакомый байдарочник, и получалось, что одна из байдарок пойдет с единственным гребцом, что в тяжелом походе не положено. Друзья уговорили маму присоединиться к ним. Поход предполагался очень трудный, в приполярной тундре, и Женю мама взять не могла.

Вообще-то они с мамой в первую неделю ее отпуска собирались совершить давно задуманное турне по подмосковным музеям-усадьбам. Теперь это дело откладывалось. А отправить Женю куда-нибудь из летней Москвы мама уже явно не успевала. На секунду у Жени мелькнула сумасшедшая мысль, что она останется на две недели одна. Одна!..

У нее мгновенно возникли очень серьезные планы на это время. Молнией пронеслось давнее жгучее желание взлезть в Интернет на всю ночь и, во-первых, найти и скачать наконец все, что относится к жизни ее любимого зверька — тушканчика, а потом сходить по давно присмотренному и дважды наспех посещенному адресу ese4co.vis.ne.jp/shock-wave8/tamaneco.html. Она хотела посмотреть более внимательно древнюю-древнюю игру, в которую, когда ее еще на свете не было, играли некоторые люди целый день с заходом в ночь. И вообще заглянуть на oldgames.ru — старые игры, как и старые игрушки, Женю всегда интересовали, но днем ей сидеть в Интернете несколько часов подряд никто бы не позволил, а ночью, когда это, как известно, намного дешевле, — тем более. Но главное, главное — Женя враз решила, что вот когда она наконец сделает ремонт в своей комнате — и распишет стены!..

Давно был готов целый альбом эскизов и даже подкоплены небольшие средства. Но когда Женя пыталась представить себе, как говорит родителям: «Итак, дорогие папа и мама, в субботу я начинаю ремонт своей комнаты. Не беспокойтесь, я все сделаю сама — не оторву вас от ваших дел ни на минуточку! Но только сделаю так, как я хочу, — хорошо?» — она сразу видела, как на экране, очень выразительную

реакцию родителей, причем обоих (в подобных случаях они всегда были заодно).

И тут на немой вопрос, ясно обозначившийся в округлившись Жениных глазках, мама, глянув искоса, ответила:

— А к тебе в тот же день приедет тетя Вера. Я с ней уже договорилась. Так что на вольницу не рассчитывай. Я бы и не поехала, если б не Вера. И сними, пожалуйста, ногу со стены, когда я с тобой разговариваю.

Вера, двоюродная мамина сестра, была любимой Жениной родственницей. Она звала ее не тетей, а по имени, и любила выкладывать ей все свои ужасы. Но — что скрывать? — перспектива остаться одной была сейчас гораздо соблазнительней общения с Верой.

Что делать, если обстоятельства, как любит говорить папа, сильнее нас. К тому же начать полукриминальный ремонт своей комнаты можно, пожалуй, и при Вере.

* * *

Через два дня очень ранним утром мама стояла у двери в джинсах, в синей футболке, с огромным рюкзаком на спине.

— Мамочка, ну какая же ты стройная! — воскликнула Женья. — И красивая!

— Итак, ты все поняла? — спросила мама. — Вера приезжает сегодня вечером, часов в десять. Не вздумай загулять где-нибудь со своей Зиночкой — у Веры нет ключа. Звонить я в Москву не смогу: там мобильная связь не работает, переговорных пунктов тоже нет — мы пойдем в основном по ненаселенке. Папа, может быть, позвонит раза два из своей Мексики. Деньги ты знаешь где, на две недели

вам хватит. НЗ — в ящичке под папиным компьютером. Без дела не бери, сама знаешь, что мы с папой деньги не печатаем — за это в тюрьму сажают. Ну, зверечек, — деловой мамин голос все-таки дрогнул, — будь хорошей девочкой, главное — не простуживайся, не болей!

Она расцеловала Женю в обе щеки и в носик, Женя, в этом году переросшая маму, нарочно сделала вид, что по привычке виснет на ней, и со словами «Спокойной ночи!» мама исчезла за дверью.

Проводить ее в лифте до машины, которая ждала внизу, она не разрешила. Так и на вокзале она не разрешала им с папой стоять до отправления поезда: вид близких, остающихся на отплывающей назад платформе, ее расстраивал. С виду суровая Женина мама была очень даже чувствительной — в отличие от многих с виду очень чувствительных.

А «Спокойной ночи!» ранним утром или средь бела дня, удивлявшее невольных слушателей, — в их семье это была традиционная формула прощания. Пошла она с детства Жениной мамы, когда ее мама, то есть, как поймет ееобразительный читатель, Женина бабушка, вечно писавшая свои диссертации и книги по ночам (потому что весь день была на работе), грозно говорила маленькой дочери вечером, после сказок про слонopotамов:

— Я уже сказала тебе — *спокойной ночи!*

Это означало, что всякое нытье и канюченье («Посиди со мной!», «Водички!») и прочие приемчики) должно быть закончено — она наконец садится за свой стол и будет писать до трех ночи, потом немножко поспит и побежит на работу.

В первую минуту после маминого отъезда Женю охватила тоска. Но уже в следующую — непривычное чувство свободы.

Впереди было не менее 10 — 12 часов свободной жизни, и предстояло потратить их с толком.

ГЛАВА 2

БОЛЕЕ СЕРЬЕЗНЫЕ НОВОСТИ

Один из вариантов пришел в голову сразу: взять немножко денег и отправиться с Зиночкой в «Макдональдс». Осуществить, наконец, давний замысел — съесть и мороженое, и молочный коктейль, и закусить горячим пирожком с вишней.

Второй вариант — пойти в кино на «Гарри Поттера». Если быстро и умело добыть и использовать нужную информацию, то можно, переходя из одного кинотеатра в другой, посмотреть две серии подряд — то есть сделать как раз то, против чего всегда решительно протестовали родители. Но если они уехали и нельзя спросить у них разрешения, значит, рассудила Женя, нельзя сказать, что она нарушает чей-то запрет.

К третьему варианту перейти не удалось, потому что зазвонил телефон. Звонок был резкий и частый: междугородный.

— Москва? Ответьте Тюкалинску.

Сквозь хрипы и шуршание пробился далекий-далекий голос.

— Женя, Женя, это ты? Это мама Олега.

Женщина замолчала. Слышно было, как она сдерживает рыдания.

— Отправили на пожизненное...

Дальше было непонятно, что-то про тьму.

— Что? Куда? — кричала Женя. И наконец разобрала:

— В Потьму, в Потьму!.. Женя, он не виноват, ты же знаешь... Его в милиции...

Дальше — про какого-то слоника, вовсе непонятное.

Голос то и дело прерывался, дрожал, прорывался сквозь слезы.

Женя не раз видела и слышала, как плачут, сама была не прочь иногда всплакнуть. Но тут было совсем другое.

— Женья, я тебе звоню просто потому, что больше уже некому. За что же, за что?.. На всю жизнь!..

— Не плачьте! — закричала вдруг Женья. Вернее, она сама услышала свой голос. С ней бывало так — в особые минуты. — Не плачьте! Этого не будет! Вы слышите? Я даю вам слово!

В трубке щелкнуло.

Женья сидела некоторое время с трубкой в руках, тупо слушая частые гудки. Потом положила трубку и вскочила. Надо было действовать. Раз совершилась несправедливость и человека за неизвестно чье преступление все-таки засадили на всю жизнь в тюрьму (а была надежда!..) — она, Женья, этого не допустит. Как именно — она еще не знала точно, но в ее голове уже вихрем завертелись варианты действий.

Тут мы должны сообщить читателю, что она с раннего детства любила слушать мамины разговоры по телефону — не подслушивать, а слушать, тихонько сидя в маминой комнате с ее разрешения. И когда в некоторых разговорах — как понимала Женья, с какими-нибудь начальниками, и не самыми хорошими, — мама произносила по-особенному спокойным, хорошо знакомым Жене голосом свою коронную фразу: «Я прошу вас иметь в виду: я не остановлюсь!» — у Жени пробегал холодок сразу и по спине, и где-то около желудка.

Надо сказать правду, Женья кое-что переняла от своей мамы. Была ли это генетика или повседневный в течение

тринадцати лет опыт общения с этой, пожалуй, незаурядной женщиной — мы не беремся утверждать с определенностью. Ведь для этого, во всяком случае, надо быть генетиком! Правда, теперь о генетике берутся рассуждать все кому не лень — и некоторые даже смело заявляют о *гибели генофонда* в нашей стране. Но мы ни за что не пополним ряды этих всезнаек. Так вот, в результате того или другого, но у Жени сложился такой характер, что если она за что-то бралась, то каким бы трудным и даже казавшимся невыполнимым ни было это дело — она, не останавливаясь, шла до конца («Как танк!» — говорила Зиночка с восхищением, смешанным с ужасом), пока не достигала желанного результата. Как правило, это касалось не ее собственных дел и маленьких делишек, а чьих-нибудь. Но сейчас не время останавливаться на этом подробно.

Собраться с мыслями Женя не успела — телефон тут же зазвонил снова.

— Москва? Ответьте Чукавину.

Какому еще Чукавину?.. Но тут же, слава Богу, сообразила — это была усадьба Чукавино, возле которой жила ее тетя Вера.

— Это соседка Веры Игнатьевой говорит. Мы ее сегодня в больницу отправили — острый аппендицит. Она просила вас предупредить — типа вы ее сегодня ждете...

Да, такого поворота предусмотрительная Женина мама не предусмотрела. Правильно говорит одна бабушкина знакомая: «Человек предполагает, а Бог располагает».

И долго потом Женя со стыдом вспоминала, что сообщение Вериней соседки ее почти обрадовало. Аппендицит — это значит минимум пять дней в больнице. Потом — сколько-то дома.

Это значило, что Женя получала неожиданную возможность заняться всерьез делом Олега Сумарокова. Тут же ремонт комнаты и прочие замечательные замыслы разом испарились из головы, и стал складываться новый жизненный план. В течение получаса ей стало ясно, что важнейшим шагом становилось посещение Фурсика. К этому-то она и начала деятельно готовиться. А далее были намечены еще несколько визитов.

ГЛАВА 3

ФУРСИК

Фурсик оглядел вагон. Далеко в углу двое парней обняли с двух боков девчонку — довольно старенькую, лет 17, не меньше. Им было ни до кого. Больше в вагоне ни души — время позднее.

Он сел и стал все готовить: поставил ранец на колени, расстегнул, быстро достал нужный листочек, пузырек с водой, открутил его, смочил водой тыльную клейкую сторону листочка и, дождавшись момента, когда поезд стал замедлять ход, приближаясь к станции, встал, повернулся к окну, уперся одним коленом в сиденье и быстрым движением нашлепнул на темное оконное стекло листочек. На нем было четко написано черным маркером:

«Встань, приятель! Эти места — не для нас с тобой. Уступи их женищинам и пожилым людям!»

Поезд остановился. Фурсик быстро выскочил из вагона и двинулся к выходу из метро. На сегодня намечено было объехать четыре станции.

Ему нужно на выходах из метро наклеить листочки на те самые свободно болтающиеся стеклянные двери, сквозь которые многие люди проходят бодро, энергично толкая дверь вперед. И дальше уже не беспокоятся о ее свободном полете назад. Правда, есть и те — и таких, Фурсик видел, тоже было немало, — кто обязательно придерживает дверь и дожидается того момента, как ее перехватит идущий сзади.

Наблюдая, Фурсик выявил некоторые закономерности. Придерживали дверь по большей части те, кому делать это было трудно, — женщины, нагруженные тяжестями, и довольно старые люди. А чем больше был полон жизни и энергии проходящий через такую дверь человек, тем большую опасность представлял он для тех, кто шел за ним. Люди не делали так нарочно, они не были злыми. Они просто заняты только собой, как дети, щенки или котята. Не помнили или не понимали, что вокруг них — люди. Точно такие же, как и они сами.

И Фурсик видел однажды, как тщедушную старушку — из тех, про которых говорят «в чем душа держится» или «божий одуванчик», — дверь сбила с ног так, что она отлетела. Он помогал ей подняться, и старушка, поправляя платок, только приговаривала: «Батюшки, охранил Господь — все болит, но вроде цела». Фурсик, впрочем, вовсе не был в этом уверен — он рос в медицинской семье и знал, что трещина в кости может обнаружиться и позже.

С того дня он и стал клеить на эти жизнеопасные двери свои предупреждения:

«Обязательно, обязательно придержи дверь — сзади идет чья-то мама или бабушка!»

Фурсик был уверен, что это не может не подействовать.

И был, конечно, прав.

Когда наутро ни свет ни заря к нему заявила Осинкина, он еще спал — после тяжелого трудового дня. Быстро вскочил, наскоро ополоснул физиономию — и они долго шептались о чем-то в его комнате. Следует, пожалуй, добавить, что Фурсик был одним из самых верных товарищей, на которого можно при случае полностью положиться. То есть — именно таким другом, иметь которого мы от души пожелали бы каждому читателю. Именно он по замыслу Жени должен был стать Координатором.

В конце разговора она вручила Фурсику большой пухлый конверт — и бегом побежала дальше.

Вскоре ее можно было видеть уже на другом конце Москвы, недалеко от Новодевичьего. Именно там, в доме с видом на маковки монастырских церквей, жила Маргаритка.

ГЛАВА 4

МАРГАРИТКА

В доме с утра был переполох.

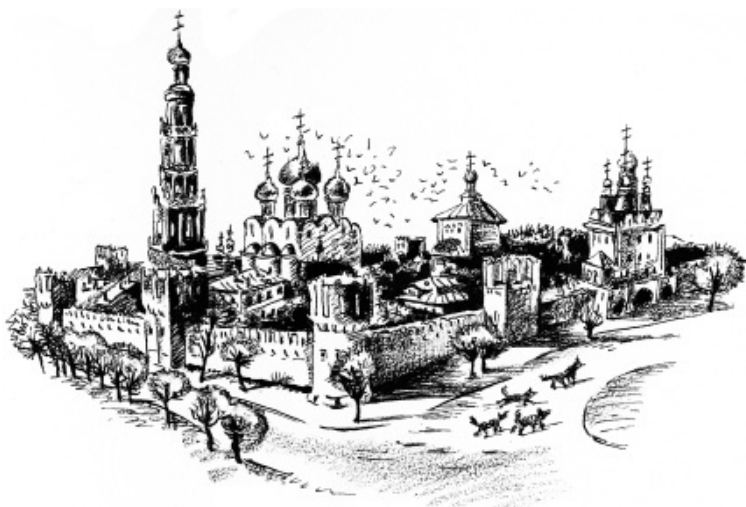
Выпускница той же школы, где училась Женя, и старшая ее подруга Маргаритка, вместо того чтобы сидеть с семи утра за учебниками (все лето шла подготовка к экзаменам в Высшую школу экономики), уже давно ползала по полу, заглядывая под шкаф, под тахту и даже под холодильник.

— Ну где ежишка? Что он, с двенадцатого этажа, что ли, убежал? Так и протопал по лестнице до первого?..

Женя стояла в ожидании.

— Ой, вот он!

И Маргаритка стала палкой выгребать что-то из самого дальнего угла под тахтой.

— Ой, какой он толстый! Что это он так растолстел, а?

— Ест хорошо, — сказала Маргариткина мама. — Всю ночь молоко лакал — три блюда вылакал.

А высокий, спортивный Маргариткин отец повел себя странно — выскочил из комнаты и в кухне, видела Женя из коридора, стал беззвучно сотрясаться, наклоняясь над столом.

— Надо же — за ночь так разросся!

При этих Маргариткиных удивленных словах ее мама выскочила вслед за отцом. Он же, оставаясь в кухне, зажал себе рот ладонью и только глядел на жену выпученными глазами. А она ударила лицо в ладони и тоже затряслась!

Так ничего и не поняв, озабоченная своими мыслями Женя пошла за Маргариткой, которая, ловко подхватив ежа ладонями под живот, понесла его в свою комнату.

Там они долго шептались. Результатом этого шепота стали переговоры Маргаритки по мобильному с неведомым Стасом:

— Дело идет о жизни человека... При чем тут киллеры? Не заказали, а посадили. ...Сколько сможешь, Стас. Если не можешь свои — переговоры с вашим генеральным. Он же интересуется правами человека. Вот тут и нарушено право человека на свободу. Ты понимаешь, что такое — пожизненное? Читал про «позу Ку» в «Известиях»? ...Совершенно невинен, Стас, можешь мне поверить. Мы все хорошо его знаем. Он не из тех, кто убивает, а из тех, кто спасает. Вот все и были уверены, что его в конце концов оправдают — по кассации. Да, можешь считать, что оказались наивными. Сегодня, сегодня, Стас. Крайний срок — завтра рано утром.

Женя слушала и глядела на говорившую во все глаза.

Это была совсем не та Маргаритка, которая только что ползала по полу, разыскивая своего ежишку. Теперь она говорила с приятелем — успешным предпринимателем. И казалось — по тону этого разговора и по самим словам, что она давно учится в одном из самых престижных вузов страны (куда, как известно читателю, только готовилась поступать), а может, уже и закончила его.

После Маргаритки набрала чей-то номер и Женя, кратко предуведомив кого-то, что минут через 35 — 40 она у него появится.

Далее путь Жени лежал к любимым москвичами Патриаршим прудам, точнее — на Малую Бронную.

Что касается странного поведения Маргариткиных родителей, вызвано оно было следующим обстоятельством, которое, тайком от нее, будет открыто читателю, пока Женя преодолевает немалый путь от Пироговки на Патриаршие. Маргаритке же не суждено будет узнать об этом обстоятельстве долго-долго — до того времени, когда она сама обзаведется дочкой, и Маргариткины родители решат рассказать эту историю дочери и внучке — в неизвестно какое назидание.

Дело в том, что отец Маргаритки привез ей с дачи маленького ежонка — то ли отбившегося от матери, то ли потерявшего ее в ночной схватке с неведомым ему врагом. Отец хотел как-то скрасить дочери целодневное сидение за

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru